

С.К. Маковский

Силуэты русских художников

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.К. Маковский**
Силуэты русских художников / С.К. Маковский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 200 с.

ISBN 978-5-517-82875-0

Силуэты русских художников

ISBN 978-5-517-82875-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Издатель: Повѣрьте издательскому чутью. Теперь на очереди искусство. Политическія гаданія и распри эмигрантскихъ круговъ, говоря по совѣсти, успѣли наскучить Западу. Но Россія остается въ центрѣ вниманія. Вѣдь помимо нашего горе-бѣженства, — партій, създовъ, резолюцій и антибольшевистскихъ передовицъ, — существуетъ же русская культура, и не показатель ли ея русское искусство! Вотъ отвѣтъ на волнующій всѣхъ вопросъ о будущемъ Россіи... Знаете, написали бы вы книгу — ну, хотя бы о русской живописи?

Критикъ: Для иностранцевъ?

Издатель: Не только. Подавляющее большинство зарубежныхъ соотечественниковъ тоже недостаточно — охъ, какъ недостаточно! — цѣнятъ своихъ художниковъ. О молодомъ поколѣніи и говоритъ нечего. Съ семнадцати лѣтъ на войнѣ, потомъ революція, добровольчество, скитаніе по заграницамъ. Гдѣ ужъ тутъ художественное образованіе. А жажда есть. Можетъ ли молодежь, воспріимчивая ко всему „прекрасному и вѣчному“, не жаждать того прекраснаго и вѣчнаго, что создано нашими мастерами, — скажемъ, за послѣднюю четверть вѣка?

Критикъ: Понимаю, вы хотите отъ меня „новѣйшую“ исторію русской живописи — для непосвященныхъ свѣтскихъ и непросвѣщенныхъ бѣженцевъ?

Издатель: Не смѣйтесь. Это серьезно.

Критикъ: Еще бы! Написать исторію: безъ книгъ, безъ музеевъ, безъ фотографій, безъ общенія со своимъ художественнымъ „домомъ“, послѣ четырехъ то мѣтъ изгнанничества... Протестую. Невыполнимо.

Издатель: Да я вовсе не объ „исторіи“. Напишите очерки, скажите о самомъ главномъ, дайте силуэты выдающихся художниковъ, что ли, — такіе силуэты, которыми въ цѣломъ дыли бы намѣсны общія направляющія линіи въ современномъ искусствѣ русскомъ... Тѣмъ болѣе, что именно теперь, послѣ всего то пережитого, разумѣется по иному должны представляться и эти линіи. Не такъ ли?

Критикъ: Пожалуй. Что нынче, при свѣтѣ всероссійскаго пожара, не кажется инымъ?

Издатель: Вотъ видите. Значитъ, найдется что написать?

Критикъ: Найдется, но съ оговоркой и даже съ двумя оговорками.

Издатель: Какими, позвольте спросить?

Критикъ: Слѣдующими. Во-первыхъ, и я, какъ бѣженецъ, могу говорить о родномъ искусствѣ только по воспоминанію, по старымъ впечатлѣніямъ, а слѣдственно — отнюдь не обѣщая новаго слова о томъ или другомъ художникѣ. Чтобы попытаться сказать это слово, надо бы проникнуться наново очарованіемъ

самых картинъ... не изъ „прекраснаго далека“. Во-вторыхъ: направляющія линіи намѣтить не трудно, однако... не указывая перспективъ въ будущее.

Издатель: Съ первымъ согласенъ, но почему — „не указывая перспективъ“?

Критикъ: Да потому что художественныя перспективы конечно ужъ зависятъ отъ общихъ національныхъ горизонтовъ. А кто сейчасъ въ состояніи разсмотрѣть ихъ, не согрѣшивъ самымъ беззастѣнчивымъ фантазерствомъ? Искусство — вѣтвистое древо, у котораго отсыхаетъ то одинъ, то другой сукъ, смѣняясь молодыми подъягами. Определить, какимъ изъ нихъ цвѣсти, значило бы провидѣть образъ того русскаго завтрашняго дня, который пока что и не брежжитъ.

Издатель: Допустимъ. Оставьте пророчества. Просто разскажите о томъ, что вспомнится, и о новомъ, теперешнемъ, ощущеніи своихъ художественныхъ воспоминаній. Это ужъ будетъ цѣнно... Изъ ощущенія то вашего, хоть и безъ „перспективъ“, читатель самъ, повѣрьте, сдѣлаетъ выводы и, мнѣ думается, не дезотрадные выводы. Воспоминанія у васъ, сознайтесь, вѣдь неплохія? Есть что вспомнить?

Критикъ: Убѣдили. Да, есть что вспомнить. Въ чемъ другомъ, а въ искусствѣ русская культура за эти двадцать пять лѣтъ просіяла сказочно. И Западъ, подлинно, нуждается въ словахъ и свѣдѣніяхъ о нашемъ искусствѣ, а свои, зарубежныя русскіе, и подавно. Конечно, мнѣ придется вспомнить и свѣтъ и тѣни... Впрочемъ напишу, какъ напишется.

Издатель: Вотъ и отлично. Итакъ, не мудрствуя лукаво, беритесь за перо. И да помогутъ вамъ музы!

Критикъ: На сей разъ судьба моей книги въ рукахъ Мнемозины, — помните? — той музы, чей образъ воспѣлъ Поль Клодель. Въ переводъ Максимилиана Волошина, кажется, такъ:

Мнемозина! Ставшая, та, которая не говоритъ!

Она — внутреннее время. Она — бьющій ключемъ кладь. Она совпадаетъ. Она владѣетъ, она помнитъ, и всѣ сестры внимательны къ движеніямъ ея вѣкъ...

Но бѣда въ томъ, что она, божественная Память, какъ всѣ музы, капризница. Поручитесь ли вы, что читатель не казнитъ меня за ея измѣны?

Издатель: Ну, это ваше дѣло. Какой же вы критикъ, если не научились прятать того, чего не умѣете вспомнить?

Критикъ: Alea jacta. Такъ и назовемъ: „Силуэты русскихъ художниковъ“.

I. НА СМѢНУ ПЕРЕДВИЖНИКАМЪ.

осторженнымъ признаніемъ современниковъ пользовалась наша живопись въ 70—80-е годы, въ расцвѣтъ передвижничества. Не сравнить съ предыдущими и съ послѣдующими десятилѣтіями. Ни раньше, ни позже не поддерживалось единодушнѣе определенное направленіе и не возвеличивались пламеннѣе отдѣльныя славы. Между публикой и художниками было полное согласіе. Передвижничество народилось одновременно съ появленіемъ на культурномъ поприщѣ интеллигента-разночинца, передъ которымъ путь былъ расчищенъ реформами Александра II. Это искусство отвѣтило чаяніямъ народнической мысли, оно сблизило въ глазахъ цѣлаго поколѣнія политическую этику съ эстетикой. „Направленіе“ соотвѣтствовало и гражданскимъ идеаламъ и художественнымъ запросамъ еще недавно до странности безразличнаго къ отечественной живописи русскаго общества.

Каждая „передвижная“ являлась событіемъ. Задолго до открытія шли слухи и толки, мастерскія знаменитостей осаждались любопытными, покупатель волновался и норовилъ пріобрѣсти картину еще въ проектѣ, на мольбертѣ. О будущихъ „гвоздяхъ“ выставки слагались легенды, а когда она открывалась, петербургскій и московскій зритель валилъ толпой (нерѣдкостью было восемь-десять тысячъ посѣтителей, по тому времени цифра огромная). Затѣмъ начинались побѣды въ провинціи, гдѣ еще простодушнѣе принималось на вѣру „святое искусство“ товарищества.

Силуэты русских художниковъ.

Критики, въ сущности, не было вовсе. Вѣдь нельзя же считать критикой кустарныя поученія Стасова, судившаго о живописи „по Чернышевскому“ и отождествлявшаго русскій стиль съ Ропетовскими „пѣтушками“. Громоподобный басъ этого баяна интеллигентской идейности долго заглушалъ голоса болѣе чуткихъ цѣнителей, пытавшихся отгородить искусство отъ литературной проповѣди. Но Стасовъ дѣйствительно умѣлъ „поощрить талантъ“, заразить общественное мнѣніе восторгомъ своимъ; его роль въ томъ исключительномъ подъемѣ вниманія къ живописи, о которомъ идетъ рѣчь, не изъ послѣднихъ. Умѣлъ онъ конечно и браниться по-стасовски, не жалѣя красныхъ словъ. Стасова боялись и предпочитали ему „угодить“, тѣмъ самымъ угождая современному вкусу. И казалось — не было на свѣтѣ ничего значительнѣе и превосходнѣе вотъ этой, столь національной, живописи; она приравнивалась безъ колебанія къ литературнымъ подвигамъ Некрасова, Достоевскаго, Толстого, Тургенева.

Правда, были и тогда неудачники, которымъ никакъ не удавалось попасть въ точку. Между ними, на примѣръ, — Н. Н. Ге, вдохновенный художникъ, хоть и неумѣлый мастеръ, оцѣненный по достоинству лишь очень недавно, притомъ за „удачи“, менѣе всего имъ признававшіяся. Зато сколько дутыхъ репутаций (какъ мы поняли позже) среди любимцевъ минуты, сколько скромныхъ талантовъ, вознесенныхъ выше облака ходячаго, сколько пошлостей, прославленныхъ отзывчивой на „внутреннее содержаніе“ и на броскую выдумку обывательской критикой и „честномыслящими“ публицистами...

И. Е. Рѣпинъ какъ то въ лекціи, посвященной А. И. Куинджи, рассказалъ о поистинѣ потрясающемъ успѣхѣ пейзажей Куинджи, которые появлялись то на передвижныхъ, то для вящшаго впе-

чатлѣнія на отдѣльныхъ выставкахъ „при вечернемъ освѣщеніи“ (керосиновые лампы съ рефлекторами, электричества еще не было). Эти неожиданно-яркія, но, говоря по правдѣ, сомнительныя въ художественномъ отношеніи красочныя необычайности (теперь трудно судить, такъ онѣ пожухли) кружили головы новизной солнечныхъ и лунныхъ эффектовъ. Бенгальскіе огни Куинджи ударили по сердцамъ, трогали не меньше, чѣмъ въ свое время заплаканные глаза „Неутѣшной вдовы“ Крамскаго и Перовскія утопленницы. Почитатели не давали покоя автору „Березовой роши“ и „Лунной ночи на Днѣпрѣ“. Всякій разъ начиналось какое то паломничество. На лѣстницѣ передъ его квартирой становились въ очередь: лишь бы побесѣдовать минутку съ „самимъ Архипомъ Ивановичемъ“. Оставалось наглухо запереть двери, чтобы работать. Это ужъ не успѣхъ, а прямо стихійное поклоненіе!

Популярность, вплоть до комическихъ черточекъ, баловала не одного Куинджи. Звѣзда того же Рѣпина сіяла ослѣпительно. Послѣ „Бурлаковъ“ (которыхъ, кстати сказать, такъ умно и сдержанно похвалилъ Достоевскій), каждое его произведеніе вызывало осанны, въ немъ искали и находили то, что считалось признакомъ высокаго творчества: „идею“. При этомъ реализмъ, самъ по себѣ, дѣйствительно безпощадный и подчасъ ярко-психологическій у Рѣпина, сходилъ за тенденцію, а тенденція за реализмъ. Вотъ это обстоятельство — смѣшеніе „гражданственности“ и реализма — и обусловило художественный стиль цѣлаго поколѣнія жанристовъ куда менѣе одаренныхъ чѣмъ Рѣпинъ (большой, очень большой живописецъ, несмотря на прирожденный недостатокъ вкуса, вульгарный пошибъ композиціи и назойливый анекдотизмъ). Весь духъ школы Крамскаго, непререкаемаго вождя передвижниковъ, хоть и весьма средняго и сухого мастера, духъ этой заскорузлой

Силуэты русских художниковъ.

за рѣдкими исключеніями живописи, окрашенной изобличительнымъ драматизмомъ или юморомъ, — результатъ въ концѣ концовъ указанной оцѣнки реализма интеллигенціей. Неприглядная правда жизни, жизни маленькихъ людей, особенно крестьянъ (и утѣснителей ихъ, помѣщиковъ и властей, для контраста), въ образахъ, какъ бы списанныхъ съ дѣйствительности, — противопоставалась искусству, брезгающему „мужикомъ“, витающему въ эмпирияхъ барскаго равнодушія къ униженнымъ и оскорбленнымъ.

Но не забудемъ, что не только „направленство“ рѣшало репутацію художника въ эти блаженной памяти времена Стасова, щеголявшего своей радикальной косовороткой. Нѣтъ, восхвалялось, хоть можетъ быть и не совсѣмъ тою же публикой, всякое сюжетное эпигонство. Процвѣтали и авторы, чуждые гражданскихъ мотивовъ, эстеты по своему (зачастую наперекоръ Стасовскимъ громамъ), привозившіе изъ Италіи и Парижа полотна съ нерусскимъ историческимъ и бытовымъ сюжетомъ. Эти полотна, мы знаемъ, производили иногда не менѣе сильное впечатлѣніе на Петербургъ и провинцію, чѣмъ доморощенные жанры съ тенденціей. Допустимъ, что чистокровные пейзажисты, напр., Куинджи, Шишкинъ, Киселевъ и др., покоряли современниковъ тѣмъ, что изображали нашу, русскую, природу, выдвигая красоты деревни, на которой какъ бы отпечатлѣлись вѣка народные, — послѣ долгихъ лѣтъ казенщины и пренебреженія своими смиренными далями въ угоду пышной иностранщинѣ. Но чѣмъ объяснить потрясающій успѣхъ, скажемъ — Семирадскаго ?

Я былъ еще ребенкомъ въ ту пору, однако помню, какъ прогремѣла его „Фрина“ (написана въ 1873 году), занявъ почетное мѣсто въ залахъ Эрмитажа. Общій голосъ былъ, что лучше такой картины ничего и представить нельзя. Упорные идеологи